

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

Редакционная коллегия

А. Н. Кононов (ответственный редактор),
С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер

Г $\frac{0162-2086}{042(02)-73}$ 171-73

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. 1972

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. С. Ефимова*. Младший редактор *Р. Г. Канторович*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *Л. Ш. Бергславская*.
Корректоры *К. Н. Драгунова* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 26/XII 1972 г. Подписано к печати 12/VI 1973 г. А-06801. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 1. Печ. л. 25,75 + 0,375 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 1800 экз. Изд. № 2955. Зак. № 1390. Цена 2 р. 82 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

*Памяти
Платона Михайловича
Мелиоранского
посвящается*

«П. М. Мелиоранский умер молодым, можно сказать, только еще начав свою научную карьеру, но и то, что он успел сделать, дает ему несомненное право на видное место в истории туркологии».

А. Н. Самойлович

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	6
А. Н. Кононов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология	7

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Э. Р. Тенишев (Москва). П. М. Мелиоранский — языковед	18
А. М. Щербак (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение памятников тюркской письменности	24
А. И. Попов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке	35
Г. Ф. Благова (Москва). П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии	51
Д. М. Насилов (Ленинград). О лингвистическом изучении памятников тюркской письменности	62
В. Г. Гузев (Ленинград). Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв.	69
Г. Ф. Благова (Москва). Вариантные заимствования <i>тюрк</i> ~ <i>тюрк</i> и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов)	93

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

В. М. Жирмунский (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей»	141
А. Н. Самойлович (Ленинград). Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым	186
<i>Приложение к статье А. Н. Самойловича</i>	
Ф. Т. Валеев (Казань). С. М. Зайнитдинов	212
Л. В. Дмитриева (Ленинград). Рукопись работы П. А. Фалева об эпосе «Едигей» в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР	213
И. В. Стеблева (Москва). О стабильности некоторых ритмических структур в тюркоязычной поэзии	2
Н. С. Смирнова (Алма-Ата). Казахские пословицы, записанные и опубликованные П. М. Мелиоранским	231
Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Поэтические памятники древних уйгуров	235

ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.) 254
- Л. П. Потапов* (Ленинград). Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных 265
- С. М. Абрамзон* (Ленинград). Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье 287
- Ф. Х. Арсланова* (Усть-Каменогорск), *С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья 305
- А. Д. Грач* (Ленинград). Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла . . . . .
- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Монета с рунической надписью из Монголии 334
- Л. Г. Савинов* (Ленинград). Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время 339
- Ю. И. Трифонов* (Ленинград). Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) 351
- Р. А. Гусейнов* (Баку). Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье 375
- А. Д. Новичев* (Ленинград). Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект 382
- Список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем 395
- Список сокращений 401

ХРОНИКА

- В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева* (Ленинград). Третья тюркологическая конференция 403

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТАТЬЕ А. Н. САМОЙЛОВИЧА

Ф. Т. Валеев

С. М. ЗАЙНИТДИНОВ

Автором публикуемого в изложении А. Н. Самойловича варианта эпоса «Едигей» был Ситдык Магдиевич Зайнитдинов (1854—1927). Он известен в литературе под именем Ситдык-карт, Ситдык-бабай. По словам его родных и знавших его односельчан-старожилов, С. М. Зайнитдинов родился в 1854 г. в селении Аубаткан Бухарской волости Тарского уезда Тобольской губернии (по нынешнему административному делению Большереченский район Омской области) в семье сибирского бухарца Магдия Сейтахметовича Зайнитдинова. В начале 80-х годов семья переехала в селение Ийланлы (Яланкуль), где жили так называемые бухарцы, потомки выходцев из Средней Азии, переселившиеся в Западную Сибирь, в районы городов Тобольск, Тюмень, Тара, Томск, в XVI—XVII вв. и позднее¹. «Бухарцы» — собирательное название для узбеков, таджиков и некоторых других народностей, переселившихся в Сибирь.

Бухарцы в течение столетий жили бок о бок с татарами (аборигенами Сибири), казахами и другими народами Сибири, в том числе с русскими. Особенно тесные связи у бухарцев были с сибирскими татарами. Общность нравов и обычаев, языка, религии, и главное — постоянное общение в процессе производственной деятельности, привели в конце концов к слиянию этих родственных тюркских народностей.

Ситдык Зайнитдинов считал, что его предки были узбеками. Дед и отец Ситдыка наряду с земледелием и скотоводством занимались извозом. Им приходилось совершать поездки с купеческими товарами в Ташкент, Самарканд, во многие другие города Сибири и европейской части России. Дед Ситдыка, Сейт Ахмет, говорил на ряде тюркских языков (узбекском, казахском, татарском, башкирском), владел также и русским. Он знал

---

¹ Ф. Т. Валеев, Сибирские бухарцы во второй половине XIX — начале XX в. (историко-этнографический очерк). Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1965; С. М. Исхакова, Лексика сибирских татар (к вопросу о взаимоотношении татарского и узбекского языков). Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1970.

много героических песен, сказаний, легенд тюркских народностей. Под влиянием своего деда Ситдык с детства начал проявлять большой интерес к истории, устному поэтическому творчеству сибирских бухарцев, татар, казахов и других тюркоязычных народностей.

Так же, как дед и отец, Ситдык занимался извозом. В составе больших извозных артелей бухарцев и татар с купеческой кладью он ездил в Иркутск, Томск, Тюмень, Казань, Нижний Новгород, в казахские степи и в города Средней Азии. В пути, который иногда длился месяцами, ему приходилось встречаться с разными людьми, представителями различных народностей, и слушать их песни, сказки, пословицы и поговорки, крылатые слова.

По словам сына Ситдыка, Азима Ситдыковича Зайнитдинова (1880—1958)², во время поездок отец особенно любил слушать героические песни и сказания. Иногда он делал краткие записи содержания того или иного сказания, записывал имена исторических личностей, названия местностей, где происходили важные исторические события. Песню же о «Едигее» Азим Ситдыкович впервые слышал от отца еще в 90-х годах, причем на родном, т. е. на разговорном, языке тарских татар и бухарцев. По словам жителя селения Аубаткан Большереченского района Омской области Абдурахима Курманова (род. в 1871 г.)³, Ситдык знал арабский язык, обучался в медресе. Его замечательная память хранила многие сведения об исторических событиях, родословную многих родов сибирских татар и бухарцев. Благодаря своему острому уму и красноречию он пользовался большим уважением не только у тарских татар и бухарцев, но и далеко за пределами тарского уезда. Умер Ситдык Зайнитдинов в 1927 г. и похоронен на кладбище селения Ийланлы.

Л. В. Дмитриева

**РУКОПИСЬ РАБОТЫ П. А. ФАЛЕВА ОБ ЭПОСЕ «ЕДИГЕЙ»
В АРХИВЕ ВОСТОКОВЕДОВ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АН СССР**

Авторское название работы П. А. Фалева — «Ногайское сказание об Едигее» (обозначено на обложке каждой из 15 тетрадей, всего в них 226 лл., еще вне тетрадей — 85 [+ 4 + 27] лл.; шифр: Разряд II, оп. 4, ел. хр. 34/926). Переписана автором частично набело (226 л.), а частично представлена, видимо, окончательным, подготовленным для переписки ав-

² Личная беседа автора с А. С. Зайнитдиновым состоялась в мае 1953 г. в Омске.

³ Личная беседа автора с А. Курмановым состоялась в декабре 1961 г.

торским черновиком (85 лл.). Этот черновик в конце имеет подпись — П. Фалев и датирован — Петроград, 20.V.1921 г.

Аккуратно переписанная часть работы занимает 15 школьных тетрадей в линейку (размер листа — 21,5 × 17 см, поля — 2 см, число строк на странице — от 20 до 26). Эта часть содержит (пагинация полистная, сплошная для всех тетрадей, текст только на одной — лицевой стороне листа; чернила черные, изредка — красные):

Введение (лл. 1—20): кратко о ногайцах, происхождении их названия (лл. 1—2), о тюркском эпосе вообще и особо — о Саид Баттале и очень подробно о «Китаб-и Коркуд» (лл. 2—15), киргизском эпосе по т. V «Образцов народной литературы тюркских племен» В. В. Радлова (лл. 15—19). Кратко о ногайском эпосе (лл. 17—19). Этот краткий обзор автор заключает словами: «Охарактеризовав вкратце произведения тюркского эпоса, которые до сих пор упоминались в литературе (сноска П. А. Фалева: „Здесь оставлены без рассмотрения эпические произведения, возникшие у тюрков под влиянием произведений, окрашенных мусульманством“), перейдем к изучению ногайского эпоса, в частности сказания об Едигее. Вначале мы поместим перевод одной из версий, чтобы читатель сразу же познакомился с формой и содержанием произведения. Потом разберем существующие издания, переводы и переложения, с целью выяснить степень их пригодности для исследования. Следующее затем исследование, представляя первую попытку в этом направлении, носит предварительный характер и нуждается в дополнениях, исправлениях и критике, относительно которых хотелось бы, чтобы они не замедлили своим появлением» (лл. 19—20).

Далее следует само исследование, первый раздел которого озаглавлен «Предание о Токтамыш (так. — Л. Д.)-хане» и содержит перевод текста и подробные пояснения к содержанию с приведением поэтического перевода П. А. Фалевым песенных частей сказания по записи М. Османова (лл. 21—69)¹; характеристику сборника М. Османова, озаглавленную «Сборник ногайских и кумыкских текстов М. Османова» (лл. 70—108).

П. А. Фалев очень высоко оценивает этот сборник. Он пишет: «Помещенный выше перевод „Предания о Токтамыш (так. — Л. Д.)-хане“ сделан с текста, имеющегося в сборнике произведений ногайской и кумыкской словесности М. Османова. Так как этот сборник чрезвычайно важен для изучения ногайского эпоса вообще, то мы подробно остановимся на его характеристике» (л. 70).

Эта характеристика строится на очень подробном и полезном и поныне разборе особенностей арабского письма для передачи тюркских звуков (лл. 71—77), обзоре состава сборника (лл. 78—85); приводятся тексты и переводы записанных П. А. Фалевым в 1914 г. у ногайцев песен, «совпадающих с османскими или дающих к ним варианты» (лл. 85—107); помещены и варианты песен в записи Г. Ананьева (лл. 107—108).

Второй раздел работы — «Киргизское (= казахское. — Л. Д.) сказание об Едигее и Токтамыше (так. — Л. Д.)» (лл. 109—180), записано Ч. Ч. Валиха-

¹ М. Османов, Ногайско-кумыкские тексты, СПб., 1883, стр. 32—49.

новым и издано П. М. Мелиоранским в приложении к т. XXIX «Записок РГО». Этот раздел содержит подробные данные об особенностях передачи тюркских звуков арабскими буквами в издании П. М. Мелиоранского (лл. 109—119), анализ перевода Ч. Ч. Валихановым текста этого варианта сказания (лл. 119—180). Свой анализ П. А. Фалев заключает словами: «При сравнении изданного П. М. Мелиоранским текста с „переводом“ Ч. Ч. Валиханова мы не один раз имели случай убедиться, что Ч. Ч. Валиханов при переводе пользовался либо другим списком сказания, либо параллельно несколькими списками. Это обстоятельство заставляет предполагать зачастую несоответствие „перевода“ и текста варианта. Но окончательное решение вопроса возможно будет после обращения к бумагам Ч. Ч. Валиханова» (л. 180).

Третий раздел исследования — «Версия И. Н. Березина» (лл. 181—208) в его «Турецкой хрестоматии», СПб., 1857—1876. Сюда включены: арабская орфография и передача тюркских звуков в тексте данного варианта (лл. 181—184), перевод текста (лл. 184—208).

Четвертый раздел — «Каракалпакская версия» (лл. 209—214), записана в 1903 г. И. А. Беляевым, издана им в 1917 г. в 4-м выпуске «Протоколов заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока» (Ашхабад): анализ содержания версии, разбор перевода ее текста И. А. Беляевым. В результате П. А. Фалев отмечает: «Таким образом, перевод И. А. Беляева пригоден лишь для знакомства с содержанием версии в самых общих чертах и не дает никакого представления о строении сказания как поэтического произведения» (л. 213).

Пятый раздел — «Сибирские и крымские версии» (лл. 215—217), по записям В. В. Радлова, изданным в томах IV и VII «Образцов народной литературы тюркских племен», СПб., 1872, 1896. Содержит: разбор содержания текста и немецкого перевода крымских (лл. 215—216) и сибирских версий (л. 216—217).

Шестой раздел — «Версии, имеющиеся только в переводе» (л. 218—226): версии, приводимые в сочинениях Ч. Ч. Валиханова², Г. Н. Потанина³; сведения о записи самого П. А. Фалева у ставропольских ногайцев в 1914 г.

Седьмой раздел — «Дополнения к обзору версий» (лл. 222—226): разбор содержания рукописи «Чингиз-намэ», с которой в 1916 г. познакомил П. А. Фалева А. З. Валидов. В эту рукопись, содержащую повествование о Чингиз-хане и его потомках, включено и сказание об Едигее⁴.

Вторая часть работы представлена, видимо, окончательным авторским черновиком. Пагинация полистная. Текст только на одной — лицевой сторо-

² Ч. Ч. Валиханов, Сочинения, СПб., 1904 (ЗИРГО по отд. этногр., т. XXIX), стр. 223—264, 265—273.

³ Г. Н. Потанин, Тюркская сказка о Идыге, — ЖС, 1898, год седьмой, вып. III, IV.

⁴ Подробное описание рукописи этого сочинения, хранящегося в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, см.: И. Н. Березин, Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеке С.-Петербурга, — ЖМНП, 1846, № 5.

не тетрадных листов, на обратной их стороне — аккуратно выполненные П. А. Фалевым записи по азербайджанскому языку. Размер листа тот же, что и в первой части, но текст написан чаще. В тексте встречаются зачеркивания и перечеркивания простым карандашом. Текст писан черными и красными чернилами.

Первый раздел, озаглавленный «Группировка версий» (лл. 1—13): версии группируются по содержанию, исходной считается полный вариант ногайской версии. Основное положение этого раздела дано в следующих словах автора: «Сказание об Едигее распространено на обширном пространстве от Иртыша до Алтая...»

«П. М. Мелиоранский, опираясь на сведения различных версий во многих частностях, предполагал существование записей сказания (или частей их) „в довольно древнее время“. На письменную традицию указывают и слова М. Османова, располагавшего несколькими списками, из которых он выбирал лучшее, по его мнению. Неисправности Березинской рукописи дают повод думать, что эта рукопись — не оригинал, а копия.

В отношении сказания об Едигее надо заметить, что оно создавалось не только разными певцами и в разное время, но и в различных местах, или, лучше сказать, в различных средах...

А такое до известной степени искусственное соединение разнородных по происхождению песен и рассказов не могло опереться только на память, а должно было быть поддержано записью» (лл. 1—2).

И далее: «В то время как между версиями ногайской группы замечается значительное сходство в отношении состава и распространения мотивов и сюжетов, среди киргизских (= казахских.— Л. Д.) версий такого единства не видно» (л. 10).

Второй раздел — «Стихи и проза в сказании» (лл. 14—25): П. А. Фалев отстаивает песенную основу этого сказания, в которой прозаические части играют лишь служебную роль. Он пишет по этому поводу:

«Песенный состав сказания передан более или менее полно (в записи М. Османова.— Л. Д.)» (л. 16).

Далее: «Служебная роль прозаических частей сказания в сознании М. Османова лучше всего видна из этой фразы...» (л. 18).

Третий раздел — «Сюжеты в сказании об Едигее» (лл. 26—85): подробный обзор всех основных сюжетов, который автор заканчивает словами: «В заключение скажу, что, как обнаружилось из рассмотрения отдельных сюжетов, сказание в том виде, как мы его имеем, сложилось не сразу. Если песнь о пире создавалась еще при жизни Едигея, то, с другой стороны, в сказании есть части, сложившиеся лишь в XVII в. Может быть, есть и более поздние образования, но они пока не усмотрены. Во всяком случае два века отделяют первую песнь сказания от рассказов о краже соколиных яиц и о Кабардине. Многое создано за этот промежуток. Когда через два века (или больше) после Едигея явилась мысль составить из разрозненных песен и рассказов одно целое, поэму, ногайцы жили в новых условиях. Волновали их прежде чувства и мысли были забыты. Для составителя была далека и мало понятна вражда биев к ханам. Он воедино соединяет

песни о герое Едигее и песни о Токтамыше (так.— Л. Д.). Связующей нитью всех песен и рассказов, вошедших в сказание, является идея родовой мести. Токтамыш убил Кутлукая-бия. Сын последнего должен отомстить за кровь отца.

Вот почему Токтамыш боится Едигея. По версии М. Османова, он устраивает пир для того, чтобы узнать на нем происхождение Едигея. Происхождение его от Кутлукая-бия все объясняет. Идея родовой мести повлияла на конструкцию сказания в том направлении, что в сцене пира к песне, восхваляющей Едигея, присоединено его родословие, которое даже внешним несоответствием стихотворному складу песни обнаруживает свою „пристегнутость“. Необходимо, впрочем, заметить, что на характер родословия влияли, конечно, и отразившиеся в сказании споры о правах на верховную власть (см.: В. В. Бартольд, Халиф и султан)» (лл. 87—88).

К работе приложены 4 листа (без начала и конца) с записями П. А. Фалева о долгих слогах в тюркских поэтических сочинениях; 27 узких тетрадных листов, содержащих аккуратно сделанные П. А. Фалевым записи текста сказания об Едигее (озаглавлено: «İmîgâ») русскими буквами в радловской транскрипции (лл. 1—12; текст только на лицевой стороне листа), затем русский перевод этого сказания (лл. 12—23), текст песни «İmîgâ и Нур-Адîl» (в русской транскрипции, лл. 23—25) с русским переводом (лл. 25—27).

Текстуально это сказание отличается от изданных записей (М. Османова, Ч. Ч. Валиханова и др.). Судя по этому и по упоминанию в охарактеризованной выше работе П. А. Фалева «Ногайское сказание об Едигее» о записанной им лично в 1914 г. версии сказания у ставропольских ногайцев, можно считать представленную здесь запись именно этой записью П. А. Фалева в 1914 г. у ставропольских ногайцев. Эта запись осталась неопубликованной, но в исследовании П. А. Фалева вошла.

Теперь, после публикации в данном сборнике статей А. Н. Самойловича «Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым» и В. М. Жирмунского «П. М. Мелиоранский и изучение эпоса „Едигей“», где приводятся наиболее полные и хронологически самые ранние (записи Г. И. Спасского, А. Ходзько и др.) и самые новые данные о всех записях и вариантах эпоса, его сюжетах, истории создания и т. п., отпадает необходимость в публикации являвшейся очень интересной и ценной до этих статей работы П. А. Фалева. Однако не следует забывать, что эта работа П. А. Фалева всегда будет, говоря словами А. Н. Самойловича, «пионером в сводке воедино различных версий сказания о Едигее и Тохтамыше»⁵.

⁵ Отчет о состоянии и деятельности СПб. Университета за 1911 г., СПб., 1912, стр. 275—280.